

Зеленый 1973, № 11, 15/16

Я

СОБИРАЮСЬ рассказать вам о том, что со мной произошло. 20 сентября 1972 года я пришел в свой рабочий кабинет. Я набросал план романа и, как я всегда это делаю, взял конверт желтого цвета, записал имена моих героев и их телефонные номера; затем я вышел. На другой день я обдумал свое положение, посмотрел на стены кругом, на картины и другие вещи в комнате и в тридцатый раз в жизни почувствовал себя посторонним.

Тридцать раз в своей жизни я менял квартиру... Это физический феномен. В тот же день я попросил своего секретаря найти в Лозанне агента по продаже недвижимости и позвонил, чтобы объявили о продаже дома. Затем я начал искать квартиру в городе. Я нашел две смежные квартиры, побывал там и купил их, все это за

Если бы я встретил такого человека, я немедленно подписал бы контракт. Теперь я собираюсь жить той спокойной жизнью, о которой я мечтал.

Я чувствую себя превосходно и не утверждаю, что вообще не буду писать или не буду писать некоторые вещи просто для себя, для собственного удовольствия. Но вряд ли я буду их публиковать. Может быть, я буду писать для своих детей, если они захотят это читать. Я уволил всех своих служащих, за исключением экономки, которая оказалась прекрасным кулинаром. Я почти ничего не взял из своего дома — только картину, немного мебели из кабинета, два кресла, свою кровать, комод, столовый гарнитур. Пишущая машинка пойдет на продажу.

Когда я порываю с кем-нибудь или с кем-нибудь, я не возвращаюсь назад. Я

СИМЕНОН: ЧТО СО МНОЙ ПРОИЗОШЛО...

«Все чаще и чаще я испытываю ужасное искушение больше не писать» — эта фраза из книги Жоржа Сименона «Когда я был старым», опубликованной двенадцать лет назад, вспоминается сегодня, когда знаменитый французский писатель, живущий ныне в Лозанне (Швейцария), заявил, что прекращает литературную деятельность. В феврале этого года, за неделю до своего 70-летия, Сименон, лежавший тогда в клинике, дал интервью корреспонденту агентства Франс Пресс, изложив мотивы своего решения и свои дальнейшие планы.

Мы воспроизводим это интервью (в сокращении) из английской газеты «Санди таймс».

48 часов. 27 октября я переехал в свое новое жилище.

Вероятно, когда я объявлял о продаже дома, во мне уже созрело решение не писать больше романов. Сейчас я впервые заговорил об этом. Отныне в моем паспорте не будет указана профессия. Мне вообще не нравится выражение «литератор». Я только романист.

Вот что произошло. С ноября 1971 года у меня довольно часто случались приступы головокружения. Я хотел узнать, нельзя ли от них избавиться, и вот почему я лег в клинику. Они начали лечить меня от головокружений, сделали приступы не такими острыми и свели их продолжительность к пяти минутам, тогда как раньше они продолжались около часа. Но даже и без явлений такого рода писать романы становилось все тяжелее. Поэтому я решил остановиться. «Мегре и г-н Шарль», написанный в феврале 1972 г., будет моим последним романом.

Это все равно, что стать свободным. На протяжении пятидесяти пяти лет я жил жизнью своих героев. По крайней мере каждые два месяца мои герои ожидали своего рождения. Теперь внезапно я захотел жить своей собственной жизнью, я освободил себя, я чувствую себя счастливым, полностью умиротворенным. Я становился рабом своих героев. Теперь я больше не позволяю им навязывать себя мне. Я держу их на расстоянии. Я вернулся к своему собственному телу, в свою собственную жизнь, и у меня нет больше сил создавать героев своих книг.

Начинается новая жизнь. 13 февраля мне будет 70 лет, так что я почти достиг пенсионного возраста. Видите ли, в пятнадцать лет я захотел стать романистом и уже написал свой первый роман. Я думал, что романист — это человек, который время от времени пишет две-три страницы, а закончив, несет их к издателю и получает деньги. Впоследствии я был ошеломлен, когда мне пришлось обсуждать с ними вопрос о деньгах.

Я мечтал подписать контракт с кем-нибудь, кто купит мою работу вперед на всю жизнь и будет выплачивать мне ежемесячно деньги, достаточные для того, чтобы мирно жить в четырехкомнатной квартире.

никогда не думаю о том, что оставляю. С этим кончено... Мои романы больше ничего для меня не значат, как будто все было написано кем-то еще. Я не сожалею об этом. Я посвятил всю свою жизнь романам, я опубликовал 214 книг, я чувствую необходимость в передышке. Мои романы требовали от меня все больших усилий. Напряжение, с которым я писал свои первые книги, чрезвычайно отличается от напряженного состояния, с которым я писал последние. Перед тем как написать очередную главу, я должен был принимать очень сильное успокоительное средство. Если бы я продолжал, я бы убил себя через два-три года. Я мог бы, конечно, продолжать писать как литературный поденщик, но это значило бы обмануть читателей. Это было бы бесчестно даже по отношению к себе.

После 55 лет работы труднее писать еще и потому, что приходится углубляться в худшие человеческие проявления, и это не проходит даром. Мне кажется, я почувствовал необходимость защитить себя. Нужно знать свой предел. Актер, пытающийся глубоко войти в роль Ницше, определенно сойдет с ума.

Полностью отключив себя от своей работы, никогда не перечитывая свои книги (если бы я сделал это, я, вероятно, запретил бы их перепечатывать), я не приму участия ни в каком праздновании дня моего рождения, даже в Париже. Я знаю, что в России что-то готовится к моему семидесятилетию: одно литературное обозрение в Москве публикует «Когда я был старым» и одно из издательств выпускает книгу о моей жизни и работах. Они также издадут «Подвалы Мажестика» с участием Мегре. Я не думаю, что русские переведят меня, только чтобы показать «буржуазные» пороки. Я считаю, что их интересуют именно человеческие аспекты в моих книгах. Должен сказать, что за исключением нескольких критиков во Франции лучше всего понимают мои романы американские и русские критики. Но что касается меня, все это принадлежит прошлому.

Я хочу сидеть в кресле, не глядя ни на что, и рассказывать себе истории, которые я немедленно забуду... Я знаю, что мне совсем не будет скучно.

Рисунок Бернара Бюффе.